

И. В. БОРИСОВ

Советский опыт и новая социалистическая парадигма

Говорить о наследии социалистической мысли в России и о полемике с ней, имевшей место на российской почве, невозможно, если не учитывать, что социализм, особенно в том его марксистском изводе, который пустил корни у нас, представляет собой не просто теоретические и утопические спекуляции, а теорию, программу реальной исторической практики. Не уделять достойного внимания этому обстоятельству — значит затушевывать самое существо этого явления.

Уже сам его философский источник — философия Маркса и Энгельса — заявлен как в высшей степени *обмирищенная* философия, нацеленная на преобразование мира. Когда Энгельс говорит, что «немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»*, он в парадоксальной форме выражает этот момент: условием и самим источником познания мира выступает массовое революционное движение, поскольку именно оно объективно, по своему бытийному статусу, открыто существенным вызовам времени и способно давать ответы на них.

Проходит несколько десятилетий, рабочее движение становится реальной силой, а социализм заявляет о себе уже преимущественно не как о теоретической концепции или общественном идеале, а как о политике, как о практическом движении, на-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 317.

целенном на организацию масс в их борьбе за власть и за свои классовые интересы*.

Наконец, с победой первой социалистической революции и с началом строительства социализма в России социалистическая мысль представляет собой по преимуществу теорию и программу этого строительства.

Пытаясь отразить этот период развития социалистической мысли в России, мы сталкиваемся с ситуацией, когда основным источником, представляющим историю этой мысли, становятся работы советских теоретиков и идеологов, а внешняя критика теряет предметный характер. Такая ситуация складывается неслучайным образом. Советская социалистическая теория и идеология развивается в рамках общей пролетарско-революционной парадигматики. Она сталкивается с двумя крайне сложно и противоречиво сочетающимися историческими вызовами и задачами: необходимостью совершения *революционного* переворота и разрыва с прошлым; и с необходимостью одновременного строительства, организации нового общественного порядка, при тех конкретных предпосылках (предпосылках крайне неблагоприятных, усугубляемых этим разрывом), которые достались от прошлого состояния. Понятно, что если Н. А. Бердяев, И. А. Ильин или И. Л. Солоневич не приемлют революционных воззрений как таковых, если тот же Бердяев и вполне буржуазный социал-реформаторский «социологизм» воспринимает как «погром бытия», до критики теории и практики социалистических преобразований в СССР дело не доходит, или же квалификации конкретных шагов такого строительства «выводятся» как следствие из общих «основ большевизма»**.

По этой же причине внешняя критика не фиксирует той сложной исторической динамики, которая присуща развитию социалистической мысли в советский период. История советской социалистической мысли вовсе не сводится к совокупности различных доктрин. Она представляет собой связный, дина-

* Работа Г. В. Плеханова «Социализм как политика», включенная в настоящее издание, показывает, насколько программной является такая характеристика социалистического движения в России для определения его места среди других общественных сил и движений.

** Заметим, что такой подход к критике «реального социализма» во многом свойственен и таким его более поздним критикам, как И. Р. Шафаревич и Е. Т. Гайдар, чьи работы представлены в настоящем издании.

мичный процесс, отличающийся своей драматургией и своим «хронотопом», где каждый существенный поворот связан с ранее имевшими место проблемами и предлагавшимися решениями, включен в борьбу разных позиций и подходов и является итогом этой борьбы. И лучше всего свидетельствуют об этом процессе те авторы, которые непосредственно участвуют в этих коллизиях.

Из этого вовсе не следует, что материал, представляющий этот период отечественной истории, должен отличаться монологизмом. История советской социалистической мысли как теории и рефлексии конкретной социальной практики дает нам как образцы острой внутренней полемики и внутренней критики «генеральной линии», так и такие яркие образцы апологетики и вырождения мысли, примеры такой самопародии, которые сами уже не нуждаются в дополнительной критике.

Мы считаем очень важным при компоновке того перечня авторов и работ, которые представляют советскую социалистическую мысль — особенно 20–30-х годов прошлого века — не утерять ее предметного содержания, ее аутентичной проблематики, удивительного динамизма и сложности, ей присущих, ее открытости текущему историческому процессу. А к этому, как нам представляется, располагает весь строй нынешней общественно-политической жизни: преобладание манипулятивных и имитационных политических практик, деморализация и дезорганизация масс как участников общественных процессов — на базовом уровне политической жизни; методологический плюрализм и повсеместная «утеря субъекта» — на уровне ее теоретического обсуждения; все это ведет к тому, что и историческая ретроспектива воспринимается через призму содержательно пустых, отвлеченных «ценностей» и «принципов».

Между тем, если смотреть на историю социалистической мысли в СССР, особенно на ее послеоктябрьский период, не через призму сегодняшнего «дискурса», то в ней поражает как раз концентрированное выражение «субъектности». В представляющих эту эпоху текстах нашли яркое выражение ее конфликты и вызовы; социальные и классовые интересы и позиции; борьба внутрипартийных групп и фракций; организационные приоритеты и программы практических действий. Все это пересекается с бескрайней содержательной повесткой дня — от хозяйственно-экономических вопросов до социально-классовых отношений, правовых, политико-идеологических вопросов — вплоть до

технологической и материально-технической конкретики рассматриваемых сюжетов. Плюс ко всему — удивительный динамизм в изменении повесток и подходов к ним, когда участники теоретико-идеологических споров оказываются способными за 3–4 года сменить проблематику и интеллектуальный аппарат и во всеоружии выстраивать новую перспективу*.

С другой стороны, представляется важным отразить ту логику и драматургию развития социалистической мысли, которая помогла бы понять как место и значение отдельных этапов этого развития, так и исторические итоги всего рассматриваемого явления.

В общем виде эта логика может быть охарактеризована как логика инволюции и вырождения социального движения (затухания революционного процесса, мутации идеологических и политических механизмов и т. п.). Она раскрывается как постепенное исчерпание исторического времени и исторических возможностей, когда каждая последующая стоящая перед социальным движением проблема оказывается результатом нерешения (недостаточного, поспешного, запоздалого, одностороннего решения) предшествующей проблемы; когда происходит своеобразное негативное «снятие» проблем и вызовов и сужение исторической перспективы — каждый раз новые «мутации», новые проблемы и способы их решения окончательно хоронят под собой возможность ответа на исходные проблемы и вызовы.

Эта логика инволюции в значительной степени обусловлена тем, что А. В. Бузгалин называет «ловушкой XX века»: с одной стороны, объективная ситуация — обострение противоречий капитализма (приведшее к первой в истории человечества ми-

* Это справедливо в отношении всех советских теоретиков и идеологов, представленных в этом сборнике, но особенно ярко это видно на примере Н. И. Бухарина. В первом коротком материале («Что такое социализм?»), представленном здесь, Бухарин еще продолжает плехановскую линию общего идеологического обоснования необходимости пролетарской революции. Во втором, опубликованном в 1920 г. («Экономика переходного периода»), он идеолог «перехвата» революционным пролетариатом «госкапиталистических» элементов. В следующем («Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз») на повестке дня — экономическое соревнование социалистического сектора с мелкобуржуазной стихией в рамках НЭПа. Четвертый материал целиком подчинен тематике и задачам индустриальной реконструкции экономики и хозяйства («Великая реконструкция»). При этом за рамками сборника осталась эссеистика «Тюремных рукописей», где на первый план выходит философская и социально-культурная проблематика.

ровой войне) — делает необходимым революционный прорыв к социализму; с другой — эта же ситуация одновременно делает невозможным его успех из-за недостаточности предпосылок для построения нового общества (в силу неразвитости, незрелости капитализма в целом и в особенности в нашей стране)*. Это сочетание «необходимости-невозможности» социализма в России и ведет к тому процессу последовательной «мутации»** социалистического движения, к подмене его аутентичных целей и задач все более вынужденной и неаутентичной повесткой.

Этот процесс инволюции социализма и социалистической мысли на советском отрезке российской истории может быть представлен как последовательное изменение видения ключевых проблем и задач, с которыми сталкивается развитие социализма в России.

Первый этап и первая проблема касаются перспектив пролетарской революции в России и Европе в тех условиях, которые сложились в результате Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Можно сказать, что суть и фокус этой проблемы — это отношение к войне, оценка того значения, которое война и связанная с ней военизация экономики и общества в целом, военные методы борьбы могут иметь для победы социалистической революции. Отношение по этому пункту является водораздельным при формировании различных «фракций» в революционном движении. Победившая в дальнейшем — ленинская — оценка может быть сведена к тому, что свершившаяся мировая война есть выражение крайней внутренней противоречивости капитализма на его заключительной империалистической фазе развития и одновременно она представляет шанс для революционного превращения «войны империалистической в войну гражданскую». С другой стороны, результатом войны является достройка и совершенствование госмонополистических элементов, которые могут и должны быть «перехвачены» военно-политическим образом в качестве основания для социалистического строительства. Это «оборачивание» войны, перехват военизированных и «госка-

* Бузгалин А. В. От «мутантного социализма» к «царству свободы» (социально-экономические аспекты) // Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 390.

** Данный термин в используемом здесь значении также ввел в оборот А. В. Бузгалин. Более детальную трактовку этого термина см. в настоящем издании во фрагменте указанной выше работы.

питалистических» элементов становятся одним из центральных пунктов ленинской программы во время подготовки революции и во время Гражданской войны*.

Развитию и обоснованию этой программы служат работы Н. И. Бухарина той поры. В частности показательна в данном случае его работа «Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса»**, где усилия автора направлены на обоснование «перезрелости» госмонополистических элементов, их «готовности» к использованию в рамках социалистической диктатуры, а с другой стороны, на обоснование того, что в рамках последней эти элементы целиком меняют свою капиталистическую природу.

Противоположная позиция — можно назвать ее «плехановской» — представлена в настоящем издании работами А. А. Богданова, написанными в послеоктябрьский период. Эта позиция состоит в следующем: свершившаяся война представляет собой катастрофу, отбросившую далеко назад развитие общества. Она нанесла урон производительным силам, подчинила экономику распределительно-потребительским задачам. Госмонополистические элементы в этом контексте предстают не как итог развития капитализма и шаг к следующей фазе развития, а наоборот, как следствие деградации и как вынужденное приспособление к ней. Осуществление «революции под знаком военщины»***, по словам Богданова, ведет к разрыву с подлинным «рабочим социализмом». Создаваемый режим опирается не на вызревающий потенциал (трудовой, интеллектуальный, культурный) пролетариата, а на солдатско-крестьянскую массу с ее казарменной стихией и на «нормировку» и бюрократический элемент. Завершится это все победой указанной стихии над оставшимися революционными элементами****.

* Насколько существенное значение эти элементы имеют для ленинской программы, видно из следующих его слов: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой ... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет». (*Ленин В. И. ПСС. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 193*).

** Фрагмент этой работы представлен в настоящем издании.

*** *Богданов А. А. Письмо Луначарскому // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 352.*

**** Следует отметить, что эти квалификации и прогнозы Богданова, выглядящие

Следующее теоретическое и идеологическое размежевание возникает вокруг вопроса об отношении к дальнейшим перспективам *мирового* революционного процесса и о месте в нем революционных социалистических преобразований в России, который в общем виде может быть сформулирован следующим образом: является ли строительство социализма задачей, которая может быть реализована только в рамках «мировой революции» — с участием пролетариата развитых капиталистических стран, или это возможно осуществить в отдельной стране, в российских условиях?

Наиболее резко размежевание по этому вопросу возникает между позициями Л. Д. Троцкого (играющего в этот исторический момент ведущую роль в Коминтерне) и И. В. Сталина. Оба исходят при этом из общих теоретико-идеологических оснований — из «закона неравномерного развития капитализма» и из концепции «слабого звена», — но трактуют их противоположным образом. Тезис о неравномерности развития и противоречиях в капиталистическом лагере служит Сталину для обоснования возможности построения социализма в отдельном слабом звене этой системы. Для Троцкого же этот тезис является обоснованием его концепции перманентной революции: в силу неравномерности развития капитализма социалистическая революция может произойти в «слабом звене», на периферии капиталистической системы; но именно слабость, отсталость этого звена обуславливает то, что эти очаги будут только началом революционного процесса, который может быть успешно завершен только в мировом масштабе. Попытки же ограничить построение социализма национальными рамками отдельной страны, в изоляции от процесса развития производительных сил, давно приобретшего мировой характер, неминуемо приведут к непреодолимым противоречиям.

в каком-то плане обоснованными, надо все же оценивать в контексте тех процессов, которые имели место в Европе после Первой мировой войны. Подталкиваемый всей своей философией к тому, чтобы рассчитывать на «естественное» вырастание социалистических элементов из капиталистической формации, Богданов и ближайшие послевоенные десятилетия рассматривает как процесс *восстановления и возврата* к прежнему уровню развития производства, экономики и демократии в ведущих европейских странах. Но, как мы знаем, в действительности лицо эпохи определил выход на историческую сцену контр исторических сил, связанных с фашистскими режимами. И смысл, и значение советского «крестьянско-бюрократического» социализма в значительной степени определились в борьбе с этими силами.

Это противоречие между двумя курсами — курсом, нацеленным на продолжение мирового революционного процесса, и курсом, взятым на «национал-социализм»*, находит продолжение и в разногласиях относительно приоритетов социалистического строительства в самой России. Сторонники Троцкого, значительная часть которых составляет так называемую «левую оппозицию», выступают против бюрократизации партии и советских органов власти, за живую связь партии и революционного пролетариата, за форсированную индустриализацию страны (в том числе как за условие укрепления гегемонии рабочего класса) и против продолжения Новой экономической политики на селе.

Руководство партии, программа которой озвучена в данный момент Сталиным и Бухариным, нацелено на построение экономической базы социализма в СССР. Эта цель формулируется все еще в революционных терминах — как завершение революции экономическими средствами, как экономическое «преодоление своей собственной буржуазии»**.

Это построение основ социализма означает, согласно Сталину, такое смыкание российского крестьянства с городским пролетариатом, такое подчинение сельского хозяйства социалистической индустрии, которое закроет каналы для формирования в стране капитала и эксплуататорских классов***. Сходным образом — через реализацию «смычки» крестьянства и пролетариата и через обеспечение хозяйственно-экономического лидерства последнего в этой «смычке» — рассматривает путь построения социализма в СССР Н. И. Бухарин. Перед нами сочетание революционно-социалистических преобразований с «модернизационными»; при той тенденции, что «модернизационная» (хозяйственная, организационная и даже технологическая) проблематика все более вытесняет и подменяет суть революционно-социалистической повестки дня****.

* Троцкий настойчиво использует этот термин применительно к попытке построения самодостаточного социалистического общества в рамках отдельной страны, правда, без прямых отсылок к германскому фашизму.

** Сталин И. В. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии: Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ 7 декабря 1926 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. С. 20.

*** Там же. С. 21–22.

**** Кооперирование и переделка крестьянства, смычка его с государственной промышленностью, — пишет Бухарин, — образует ту единую «хозяйственную цепь», которая «по сути дела и есть социализм». См. Бухарин Н. И.

Следующий этап связан с завершением революционно-социалистических и модернизационных преобразований в советской стране, с подведением их итогов и с их критикой. Эти итоги имеют как идеологическое, так и социально-классовое и организационно-правовое выражение. Критическая же их оценка — после разгрома «левой оппозиции» в СССР — возможна теперь только в изгнании. В настоящем издании она представлена двумя работами Л. Д. Троцкого.

Модернизационный характер преобразований получает на этом этапе красноречивое выражение в том, что они все более обсуждаются в терминах «реконструкции». Суть этого процесса реконструкции можно выразить емкой характеристикой Н. И. Бухарина: «сокрушение врага» + «великая стройка»*. Здесь уже не идет речь о постепенном экономическом выдавливании и подчинении мелкобуржуазной стихии, а обосновывается форсированная ликвидация классового врага (деревенского кулачества), осуществляемая одновременно с научно-техническим, индустриальным перевооружением, плановым развитием производительных сил и укрупнением их организационных форм**.

Итог формационным изменениям советского общества подводится в работе И. В. Сталина «О проекте Конституции Союза ССР». В ней он констатирует победу социализма во всех сферах народного хозяйства и указывает на качественные социально-структурные изменения, происшедшие в обществе: это ликвидация частной собственности на средства производства и эксплуататорских классов; качественно новый характер основных социальных групп — рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции; формирование новой национальной культуры («национальной по форме, социалистической — по содержа-

Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., Политиздат, 1988. С. 175.

* Бухарин Н. И. Великая реконструкция // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 490.

** Примечательно, что, хотя Бухарин характеризует данный процесс преобразований как продолжающийся революционный поток, как продолжение массовой борьбы пролетариата и его «политики», все же процесс реконструкции, как он его изображает, выглядит как *директивно* осуществляемая политика, а обоснование Бухариным революционной сущности происходящих перемен сводится к оправданию им тех «скачков» и «переломов», в которых эта политика выражается.

нию»). Такого рода анализ становится в дальнейшем «канон» при рассмотрении достижений и перспектив социалистического строительства в СССР.

Формальный характер этих преобразований в СССР выражен формулой Л. Д. Троцкого: «применение социалистических методов для решения до-социалистических задач»*. Подобного рода формальные и частичные преобразования ведут, как пишет Троцкий, к накоплению внутренних противоречий — между социалистическим и капиталистическим, капиталистическим и докапиталистическим укладами; между концентрированностью советской промышленности и ее изолированностью от мирового хозяйства; между социалистической собственностью на средства производства и буржуазным по своему характеру распределением благ; между привилегированным положением партийно-государственной верхушки и принужденностью трудящихся масс бороться за личное выживание. Эти противоречия, материальная скудость, а также культурная отсталость ведут, согласно Троцкому, к усилению позиций бюрократии (к бюрократическому «термидору»), проявлением чего становится слияние государства и партии, ликвидация партии как активного самостоятельного субъекта и в целом «исчезновение политики для масс»**. Таким образом, Троцкий характеризует режим в СССР как переходный — некапиталистический по формальным формационным признакам (отсутствие частной собственности на средства производства, эксплуататорских классов и т. п.) и несоциалистический (в силу неразвитости и диспропорциональности производительных сил, в силу авторитарности и бюрократизации власти, слабости и дезорганизации пролетариата и т. п.). И как переходное это положение неминуемо должно вести или к тому, что пролетариат в СССР вернет себе историческую инициативу, или к тому, что советская бюрократия осуществит контрреволюционный переворот.

Как мы уже отметили, «канон» анализа и проектирования социалистического строительства в СССР в значительной степени

* См.: *Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?* М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991.

** См. в настоящем издании: *Троцкий Л. Д. Накануне съезда; раздел «Большевистские съезды прежде и теперь»*, а также: *Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?* М.: НИИ культуры Министерства Культуры РСФСР, 1991.

задан работами Сталина*. Основные черты этого «канона» можно охарактеризовать следующим образом:

В сфере *политического* руководства социалистическим и коммунистическим строительством руководящие идеи не выражают коллективную субъектность участвующих в этом строительстве сил и все более приобретают вид директивных установок, сводятся к планированию и калькуляции материально-технических показателей (при этом критерии продвижения к коммунистическому будущему все более приобретают потребительский характер).

В идеологии такое развитие без политического участия масс получает двойственное выражение. С одной стороны, ведущей силой и субъектом такого движения объявляется советское государство, на которое возложены все возможные задачи — создание материально-технической базы коммунизма; обеспечение подъема благосостояния народа; контроль за мерой труда и потребления; преобразование социалистических отношений в коммунистические; воспитание народных масс в духе сознательной дисциплины и коллективистского отношения к труду и т. п.** С другой стороны, эта идеология наполняется формулами и концепциями, имитирующими различные формы политической субъектности — такими, например, как: «общенародный характер советского государства», «возрастающая роль пролетариата», «единство партии и народа», «новая общность — советский народ» и т. д.

Особенностью *теоретической* мысли является ее полное подчинение идеологической повестке. Это проявляется в утере творческой инициативы и анонимизации мысли (она все более привлекается для обоснования уже заявленных идеологических программных пунктов, например, достижения советским обществом уровня «развитого социализма» или образования уже упомянутой общности «советский народ» и т. п.), в ее начетничестве и в доказательстве ее истинности посредством бесконечных ссылок на «классиков», на тексты партийных документов и выступления партийных лидеров***. Наконец, эта идеологизированность позднесоветской социалистической теории выражается в ее де-

* Из поздних работ Сталина в настоящее издание также включен фрагмент «Экономических проблем социализма в СССР».

** См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. С. 101.

*** В качестве образчика такого рода мысли в настоящее издание включен фрагмент работы видного советского специалиста по научному коммунизму

теоретизации. Характерной чертой ее «методологии» становится обширная и мелочная инвентаризация «объективных критериев», «законов» и «закономерностей» как способ обоснования «генеральной линии»*.

Последний этап, включающий современный исторический момент, является временем расставания с советским прошлым и переосмысления опыта советского социализма.

В наиболее критической форме это расставание предстает как тотальное отрицание и избавление от советского «морока». При этом оно озвучено не столько в теоретических работах, сколько публицистикой, в которой главным критиком и главной инстанцией становится своего рода собирательный образ «профессора Преображенского».

Подобная публицистичность свойственна и тем двум претендующим на теоретичность работам, которые включены в настоящее издание. Характеристики советского социализма (и социализма как такового) выводятся в них из весьма общих (подчас метафизических) оснований.

Так, в работе Е. Т. Гайдара «Государство и эволюция» (Глава III. Три источника и три составные части большевизма) существо советского социализма выводится из ленинской формулы: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа»**. Происходит своеобразное двойное «оборачивание» госмонополистических источников социализма. Если для Ленина и Бухарина они суть безусловное благо, при условии подчинения их целям и задачам пролетарской диктатуры, то в трактовке Е. Т. Гайдара капиталистический госмонополизм есть безусловное зло. Только в условиях присущей капитализму рыночной демократии это нежизнеспособное и преходящее явление, а в рамках ленинского социализма это зло сохраняется, десятикратно усиливается, поскольку соединяется здесь с элементами восточной деспотии («азиатчины»), с одной стороны, и коммунистической идеологией, отрицающей

А.К. Белых «Развитой социализм — закономерный этап коммунистической формации».

* Образцом такого рода инвентаризации «объективных критериев» и «закономерностей» является представленный в настоящем издании фрагмент работы А.К. Белых «Развитой социализм: сущность и закономерности», где им сформулированы 22 признака «развитого социализма».

** Ленин В. И. ПСС. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 192.

частную собственность, с другой. Советский социализм, таким образом, предстает как синтез различных фундаментальных зол, как исторический «выкидыш» и флюктуация, соединяющая худшие стороны цивилизаций и экономических укладов.

И. Р. Шафаревич выводит характеристики феномена советского социализма и социализма в целом из еще более общего источника: «Мы видим, — пишет он, — что все элементы социалистического идеала: уничтожение частной собственности, семьи, иерархии, враждебность религии — могут рассматриваться как проявление одного основного принципа — подавления индивидуальности»*. С другой стороны, как это видно из другой его работы, за этим принципом подавления и уничтожения личности и подлинно человеческого начала стоит такая идеальная цель всего социалистического движения, как «стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества»**.

О разрыве с советским прошлым свидетельствуют и идеологические документы и заявления, представляющие самую влиятельную левую партию России — КПРФ, поскольку апелляции к советскому опыту и советским идеалам в этом случае — это, как правило, произвольные, «по случаю» извлечения из советского наследия тех моментов, которые подчинены той или иной риторике — «оппозиционной», державно-патриотической, духовно-православной, — имеющей слабое отношение к социалистической теории и практике.

Что касается тех теоретических и идеологических концепций, что сохраняют преемственность с социалистической идеей и социалистическим движением, то они демонстрируют масштабную смену парадигм.

В общем и «мягком» виде это изменение можно характеризовать как возвращение социалистической проблематики в глобальный мировой контекст; как соединение ее с широким комплексом «общечеловеческих» проблем (экологических, цивилизационных, гражданских и т. д.); как отход от хилиастической перспективы обострения борьбы «класса на класс» и переопределение роли

* Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории // Шафаревич И. Р. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. I. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 604.

** Шафаревич И. Р. Социализм // Из-под глыб. Paris: YMCA-PRESS, 1974. С. 69–70..

социалистического движения в его связи с множеством других социальных движений.

В значительной степени такой парадигмальный разворот заявлен в статье Ю. А. Красина «Социализм: необходимость переосмысления». Эта же работа демонстрирует крупные изменения теоретико-методологического плана: отказ от рассмотрения социалистического движения и социалистических перемен как проявления «работы» общественных структур и неких «неумолимых» общественных законов. Соответственно, с этим связан и отказ от формационной логики развития, классового подхода как чрезмерно абстрактных, не отражающих реальной сложности общественных процессов. Ю. А. Красин характеризует предшествующую социалистическую парадигматику, реализованную в советском опыте, как «социализм по Ньютону» и противопоставляет ей «социализм по Канту» как «метод исторического действия», ориентированный на реализацию социалистических ценностей*.

Вместе с тем в рамках отечественного направления критического марксизма заявлена новая версия социализма, которая с одной стороны находится в тесной теоретической, идеологической и духовно-исторической связи с опытом реализации социализма в СССР, с другой стороны, представляет собой попытку существенного переосмысления базовых основ социализма.

Социализм трактуется в рамках данного подхода как исторический переход из «царства необходимости в царство свободы»**, который объективным образом характеризуется противоречивостью, гетерогенностью и нелинейностью процесса, а поражения, «мутации» и «ловушки», которым он подвержен, являются неизбежной и закономерной частью этого периода. Советский опыт предстает в этом свете как важнейший исторический урок и отправной пункт для дальнейшего движения.

В теоретическом отношении эта версия сохраняет приверженность формационному и классовому подходу и ориентирует на

* Красин Ю. А. Социализм: необходимость переосмысления // Свободная мысль. 1997. № 6. С. 98–99. См. здесь же: «Социализм — это не объективная закономерность, а социально детерминированное идейно-политическое течение, движимое стремлением к общественному устройству на основе равенства, справедливости, солидарности» (С. 97).

** Это формула А. В. Бугалина и А. И. Колганова, чьи работы представлены в настоящем издании.

революционный сценарий будущих преобразований. Но при этом она демонстрирует принципиальное изменение в оценке движущих сил этих преобразований. Суть этого изменения состоит в отказе пролетариату претендовать на роль такой силы*. Эта роль, приписываемая ему в рамках «традиционного» марксизма, не соответствует не только историческим реалиям и тенденциям (указывающим на системный, «капиталистический» характер этого класса), но и самой логике учения Маркса и Энгельса. Поскольку, согласно этой логике, качественный переход к новой формации осуществляет «третий класс» (например, буржуазия при переходе от феодализма к капитализму, а не эксплуатируемое феодалями крестьянство)**.

Вместо рабочего класса в рамках такого формационного видения в качестве прогрессивного класса рассматривается социальная категория, связанная с развитием нового (не-капиталистического) типа производственных сил и нового типа социальных отношений. (Это группы, связанные с производством знаний.)

Таким образом, несмотря на сохранение преемственности с классическим социализмом в его марксистской и советской версиях, данная концепция демонстрирует существенный парадигмальный сдвиг. Вместо расчета на радикализацию противоречий и конфликтов — переход к «позиционной войне»; вместо опоры на массы, эксплуатируемые в рамках капиталистических отношений, — поиск новых групп («когнитариата») и анализ возможностей блокирования этих групп с другими группами трудящихся; вместо поиска «слабого звена» — определение перспективы социализма в России в его связи с мировым прогрессивным движением и в зависимости от той роли, которую Россия сможет играть в глобальных процессах, какое место она займет в отношениях «ядра» и «периферии» и т. д.

* И с учетом этого изменения такая версия социализма существенно расходится со всей отечественной социалистической традицией, берущей начало с работ и деятельности Плеханова.

** Это дает основание А. Н. Тарасову, который в целом не склонен выделять социализм в качестве относительно самостоятельной исторической фазы (и рассматривает «социализм» и «коммунизм» как синонимы), вообще не рассматривать период советского национально-государственно-пролетарского социализма в качестве социализма и квалифицировать его как особый «суперэтатистский» уклад. См. его работу «Суперэтатизм и социализм», включенную в настоящее издание.

В качестве итога можно отметить, что от изменений позиций России в этом глобальном контексте, от изменения состояния российского общества зависит и то, как будет выглядеть представленная здесь тема. От того, будет происходить развитие или деградация производственных сил, периферизация России или укрепление ее статуса, развитие гражданского общества или обеднение социальных отношений и структур, — от всего этого зависит как характер дальнейшей полемики вокруг социализма, как состав участников этой полемики, так и сам статус этой полемики. Будем надеяться, что российское общество сохранит потенциал и компетенцию для ее продолжения.

